

ЦИФРОВЫЕ ТОКЕНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Н. В. Дулатова, Natascha_76@list.ru

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье проанализирована возможность закрепления цифровых прав (токенов) в гражданском законодательстве, установлена необходимость определения их места в системе объектов гражданских прав, их оборотоспособности и соответственно, защиты по всем электронным сделкам, которые будут совершаться с этими объектами. В работе сделан вывод о том, что с развитием современной цифровой экономики цифрового общества и государства назревает потребность в подготовке специалистов, имеющих цельное комплексное технико-правовое представление о цифровых правах и особенностях их оборота.

Ключевые слова: токены, гражданское право, цифровые права, электронная сделка.

Для цитирования: Дулатова Н. В. Цифровые токены в гражданском праве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 57–60. DOI: 10.14529/law230108.

Original article
DOI: 10.14529/law230108

DIGITAL TOKENS IN CIVIL LAW

Н. В. Dulatova, Natascha_76@list.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article analyzes the possibility of securing digital rights (tokens) in civil law, establishes the need to determine their place in the system of objects of civil rights, their turnover capacity and, accordingly, protection for all electronic transactions that will be made with these objects. The paper concludes that with the development of the modern digital economy of a digital society and the state, there is a need to train specialists who have an integral complex technical and legal understanding of digital rights and the features of their circulation.

Keywords: tokens, civil law, digital rights, electronic transaction.

For citation: Dulatova H. V. Digital tokens in civil law. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023, vol. 23, no. 1, pp. 57–60. (in Russ.) DOI: 10.14529/law230108.

В современных условиях проблемы правового регулирования свободной информации, защиты права частной жизни в цифровом мире, влияние новейших технологий в киберпространстве на права и правовые интересы граждан, общества в целом влекут определенные преимущества и угрозы содержанию и структуре традиционного права. Исследователи правовых отношений с использованием цифровых технологий отмечают, что сегодня нельзя не признавать научно-технический прогресс и его непосредственное воздействие на развитие всех общественных институтов [6].

18 марта 2019 года Президент России подписал закон о внесении изменений в три части Гражданского кодекса Российской Федерации

относительно цифровых прав. Проект этого закона был внесен в Государственную Думу в марте 2018 года. За год закон значительно претерпел изменения. Исходя из положений принятого закона, цифровые права охарактеризованы, в первую очередь, как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы.

Анализируя указанный закон, А. А. Карцхия сформулировал идею о создании особого цифрового права, которое выходит за пределы традиционного понимания цивилистического права [3].

Вне сомнения, что закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве требует

определения их места в системе объектов гражданских прав, их оборотоспособности и соответственно защиты по всем электронным сделкам, которые будут совершаться с этими объектами. Справедливо замечание Р. И. Ситдиковой о том, что сегодня закладываются только первые кирпичики, формируются только первые основы регулирования в цифровых отношениях [5].

В целом не вызывает сомнения тот факт, что цифровые права – это определенный набор прав каждого на использование интернета для передачи, распространения информации и надлежащий доступ к цифровым медиа. Категория цифровых прав, предложенная законодателем, сводит такие права к обязательственным и иным правам, содержание и условия осуществления которых определены в информационной системе.

Иными словами, цифровые права с учетом законодательного закрепления обладают рядом следующих особенностей:

- во-первых, обладание и распоряжение ими возможны только в информационной среде (то же самое будет касаться обременения или ограничения цифровых прав);

- во-вторых, осуществление или распоряжение такими правами будет происходить без обращения к третьему лицу;

- в-третьих, в большинстве случаев обладатель цифрового права – это лицо, которое имеет возможность распоряжаться таким правом в соответствии с правилами информационной среды;

- в четвертых, переход цифрового права по сделке не требует согласия должника.

Исходя из формулировки, предложенной законодателем в новой редакции ст. 128 ГК РФ, цифровые права определены как вид имущественных прав, то есть это некие «цифровые коды и обозначения», удостоверяющие те или иные объекты гражданских прав и зарегистрированные в децентрализованном реестре (ст. 141.1). Напрашивается вопрос: чем отличаются цифровые коды от цифровых обозначений? Думается, что, вероятнее всего, речь идет об описании общероссийских классификаторов технико-экономической и социальной информации, применяемой в статистике и включающей набор основных характеристик, отражающих их состав, структуру и систему кодирования.

Если рассуждать о форме такой сделки, то выражение воли субъектов в электронной

сделке будет соответствовать простой письменной форме. Исходя из положений п. 1 ст. 160 ГК РФ допустимо считать соблюденной письменную форму сделки, если она совершается при помощи электронных носителей и с помощью технического оборудования.

В то же время с помощью электронных и аналогичных технических средств может проводиться заочное голосование для установления решения общего собрания. Например, может быть проведено интернет-голосование членов товариществ или обществ либо дистанционно заполнена форма в интернете. Пункт 2 ст. 160 ГК РФ не предусматривает использование факсимильного воспроизведения подписи при совершении сделок. Исходя из этого, многие исследователи гражданско-правовых отношений считают, что требование о наличии подписи будет соблюденным, если достоверно возможно определить волю участников сделки.

Стоит заметить, что неквалифицированная подпись, то есть электронная, имеет схожую юридическую силу с подписью на бумаге. Тем самым юридическая сила электронной подписи может быть определена с помощью подписания соглашения об ее использовании. Можно представить, что субъекты электронного взаимодействия договариваются о том, что получение электронного сообщения с распознаванием электронной почты будет приравниваться к подписанию договора простой электронной подписью.

Тем не менее напрашивается закономерный вопрос – если нажатие на кнопку в браузере приравнивается к полноценному волеизъявлению, то каким способом воздействовать на средства автоматизации браузера? Каким образом установить «недееспособность» электронного устройства, зараженного, допустим, вирусом, который подписал владельца на какие-либо услуги или приобрел товар?

Можно представить и электронные доверенности (их необходимость назрела давно), и бюллетени для голосования в электронном виде, что сегодня крайне актуально, и действительный заключенный гражданско-правовой договор, заполненный в электронной форме. При этом такая форма будет соблюдена при совершении сделок с помощью электронных (технических) средств, которые позволяют воспроизвести на материальном носителе содержание такой сделки. То есть договор в такой форме может быть заключен

путем составления одного документа, подписанного сторонами с помощью электронных средств или простого обмена электронными документами.

В то же время стоит отметить, что исходя из новых положений ст. 309 ГК РФ, условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств. Одновременно с этим совсем необязательно наличие направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон с помощью информационных технологий.

Положения новизны ст. 454 ГК РФ определяют, что нормы о договоре купле-продажи применяются к продаже имущественных прав, включая цифровые права. Согласно поправкам к ст. 493 ГК РФ договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового, товарного чека, а также электронного или иного документа, а выставленные товары и их образцы в сети Интернет признаются публичной офертой.

Глава 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг дополнена ст. 783.1. Так, договор, в силу которого исполнитель обязуется совершать действия по предоставлению конкретной информации заказчику, может предусматривать обязанность одной или обеих сторон не совершать по предоставлению в течение определенного периода действия, в результате которых информация может быть раскрыта третьим лицам. Тем самым устанавливается правило в обязательстве, свидетельствующее о воздержании сторонами от конкретных действий. Указанные правила, вступающие в силу в ближайшем будущем, свидетельствуют о внедрении такой категории, как Big-data, то есть легализации сбора и обработки значительных данных обезличенной информации.

В п. 1 ст. 860.2 ГК РФ внесены изменения, которые устанавливают правила о заключении договора номинального счета в письменной форме в виде составления одного документа, подписанного сторонами, с допустимостью совершения этого действия в электронной форме. Необходимо указать дату заключения такого договора или произвести обмен электронными документами (иными данными) с учетом положений абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Стоит заметить, что составление завещания с использованием электронных или иных технических средств будет невозможно.

В свою очередь нельзя обойти вопрос о том, что упомянутый закон не включил в понятие цифровых прав категорию криптовалюты. Тем самым практические проблемы, возникающие сегодня в судебной практике в отношении оборота криптовалюты, не могут быть решены при отсутствии необходимого правового регулирования.

Если говорить о зарубежном законодательстве, то ученые, например, Китая в большинстве своем связывают понятие цифровых прав именно с криптоактивами [1]. В иных правовых системах цифровые права расцениваются несколько иным образом. Например, в США эта категория рассматривается как права человека и юридические права, которые позволяют отдельным лицам получать доступ, использовать, создавать и публиковать цифровые носители или получать доступ и использовать компьютеры, другие электронные устройства и телекоммуникационные сети [4].

Эта концепция связана с защитой и реализацией существующих прав, таких как право на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнений, в контексте цифровых технологий, в частности Интернета. Иными словами, цифровые права расцениваются как гражданские права в области информационных и коммуникационных технологий. Они включают в себя множество вопросов, касающихся конфиденциальности, сохранения данных авторских прав, патентов на программное обеспечение, права на защиту данных и конфиденциальность, свободы слова в Интернете, частного правоприменения и кибербезопасности.

Л. Ю. Василевская отмечает, что опираясь на зарубежный опыт, современная цивилистическая наука способна решить проблемы цифровых экономических отношений [2].

Думается, что с развитием современной цифровой экономики, цифрового общества и государства, назревает потребность в подготовке специалистов, имеющих цельное комплексное технико-правовое представление о цифровых правах и особенностях их оборота. Исследования в этой сфере должны носить междисциплинарный характер с учетом научной и практической основы для развития правового регулирования в цифровых отноше-

ях. Развитие телекоммуникационных технологий значительно опережает развитие современных процессов и результатов законотвор-

чества. Поэтому изучение содержания гражданско-правового режима нового объекта гражданского права – цифрового права необходимо и важно.

Список источников

1. Асад А., Анам Ф., Кеннет С. Система управления цифровыми правами в Китае: проблемы и возможности // Журнал по информационным технологиям. 2018. № 20. С. 20–27.
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
3. Карцхия А. А. Цифровое право как будущее российской цивилистики // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет // Государство и право. 2018. № 1. С. 26–40.
4. Мefодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 22 с.
5. Ситдикова Р. И. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9 (204). С. 75–80.
6. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

References

1. Asad A., Anam F., Kennet S. [Digital rights management system in China: problems and opportunities]. *Zhurnal po informatsionnym tekhnologiyam [Journal of Information Technologies]*, 2018, no. 20, pp. 20–27. (in China)
2. Vasilevskaya L. Yu. [Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Aktualnye problemy rossiyskogo prava]*, 2019, no. 5 (102), pp. 111–119. (in Russ.)
3. Kartskhiya A. A. [Digital Law as the Future of Russian Civil Law]. *Pravo budushchego: intellektual'naya sobstvennost', innovatsii, Internet. Gosudarstvo i pravo [The law of the future: intellectual property, innovation, the Internet. State and law]*, 2018, no. 1, pp. 26–40. (in Russ.)
4. Mefod'eva K. A. *Tsifrovye dannye kak ob"ekt grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v Germanii, SShA i Rossii: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk* [Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia. Author's abstract]. Moscow, 2019, 22 p.
5. Sitdikova R. I. [Digital rights as a new type of property rights]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [Property relations in the Russian Federation]*, 2018, no. 9 (204), pp. 75–80. (in Russ.)
6. Talapina E. V. [Law and digitalization: New challenges and prospects]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2018, no. 2, pp. 5–17. (in Russ.)

Информация об авторе

Дулатова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalya V. Dulatova, Candidate of Sciences in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Justice, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 21 ноября 2022 г.
Received 21 November 2022.